

ИСМАИЛ ШИХЛЫ – 100

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА

ПОБОРНИК ЧЕСТИ

– Исмаил муаллим, вы что, уже уходите?
– спросила я, увидев, что Исмаил Шихлы направляется к выходу.

– Да, пойду домой, устал что-то.

– И вам неинтересно, кого изберут первым?

– Не сомневаюсь, что это будет достойная кандидатура, – улыбнулся писатель.

В это время в фойе клуба имени Дзержинского, где проходил очередной съезд писателей Азербайджана, появился кто-то из оргкомитета и всполошённо спросил меня:

– Ты Исмаила Шихлы не видела?

– Да вот же он, – я махнула рукой в сторону выхода. – Домой уходит.

Мой собеседник охнул и бросился вслед писателю:

– Исмаил муаллим, вернитесь! Вас в президиуме ищут.

...Примерно через час Исмаил Шихлы, совершенно неожиданно для себя и почти для всех коллег по писательскому цеху, был избран Первым секретарем Союза писателей Азербайджана. Позже мне рассказывали, что он долго не соглашался принять это предложение, отказывался под самыми различными предлогами. Однако Мирза Ибрагимов настаивал: «Я стану Председателем Союза писателей лишь на общественных началах. И только в том случае, если Первым секретарем будет Исмаил Шихлы».

Исмаил муаллим не смог пойти против воли аксакала, к которому питал безграничное уважение. Так, в июле 1981 года он вновь в качестве руководителя переступил порог писательского дома. Дважды, в середине 60-х, а затем во второй половине 70-х годов, Исмаил муаллим уже испробовал себя в начальственном кресле. Работал и секретарем Союза писателей, и главным редактором «главного» писательского журнала «Азербайджан». Однако оба раза уходил с ответственных и престижных постов по собственному желанию. Уходил сам, без всякого нажима со стороны или «сверху». И с явным облегчением возвращался учительствовать в свою «альма-матер» – АПИ имени Ленина, который окончил юношей и куда вернулся после нескольких лет, проведенных на фронте.

Мне кажется, что эти упрямые уходы с высоких должностей, которые в те времена автоматически давали человеку множество льгот и привилегий, как нельзя

лучше характеризуют Исмаила Шихлы. Никакие житейские блага и привилегии не смогли заставить его опустить хотя бы на сантиметр высочайшую нравственную планку, на которую он ориентировался в полной гармонии со своим внутренним миром. И когда пребывание в должности начинало нарушать эту гармонию, он восстанавливал ее своим уходом.

На мой взгляд, абсолютное отсутствие суетного в его характере шло от обострённого восприятия жизни. Не успех, не слава, не, тем более, должность или привилегии, а обычная земная жизнь с ее большими и маленькими человеческими радостями – вот что представляло для Исмаила муаллима единственную ценность. Этой высшей мудростью бытия его «одарила» война, по огненным дорогам которой он прошел простым солдатом. Как и все настоящие фронтовики, Исмаил Шихлы был навсегда «отравлен» войной. Она приучила его к жизни по простым и ясным правилам, когда в любую минуту может наступить смерть, небытие и, значит, нет никакого смысла суетиться, изворачиваться, что-то кому-то доказывать. Надо просто жить, воспринимая дарованные тебе годы как величайшее благо на земле, как невысказанно счастливую лотерею, выигранную тобой. Исмаил Шихлы вернулся с фронта. Вернулся, оставив позади себя могилы друзей, которым повезло меньше, чем ему. Он всегда помнил об этом. И прожил свою жизнь в соответствии с теми же идеалами нравственной чистоты, добра, мужского благородства, которые неустанно утверждал в своих замечательных книгах.

В июле 1987 года, вскоре после своего переизбрания Первым секретарем Союза писателей Азербайджана, Исмаил Шихлы покинет этот пост. Покинет добровольно. Он потребует созыва Пленума и настаивает на своей отставке. Его будут долго уговаривать и товарищи по писательскому цеху, и ответственные сотрудники из ЦК, и весь президиум Союза писателей. Но он все-таки уйдет, уйдет сам и тем прервет печальную традицию, по которой почти все первые лица нашего писательского Союза уходили из особняка на улице Хагани, 25 (ныне Хагани, 53) «ногами вперед» – как ушли и Самед Вургун, и Мехти Гусейн, и Имран Касумов. Для многих подлинными причинами неожиданного ухода Исмаила Шихлы с поста так и остались тайной. Поэтому я испытываю чувство своеобразной гордости при мысли о том, что Исмаил муаллим счел возможным поделиться со мной, работавшей в то время его помощником, своими горестными сомнениями. «Это правда, что вы решили уйти?» – спросила я его за несколько дней до пленума. Исмаил муаллим кивнул головой. «Но почему?»

Он немного помолчал. То, что он потом сказал, прозвучало для меня полнейшей неожиданностью.

– Я не хочу и не могу принимать участия в той грязной игре, которую затеял со страной Михаил Горбачев.

Я с изумлением посмотрела на Исмаила муаллима. Шел 1987-й год, СССР все еще переживал эйфорию перестройки. Многие из нас были опьянены романтическими ветрами перемен, оглушены потоком некогда запретной информации, заморожены магией неслыханных в нашем обществе слов – «гласность», «демократизация», «плюрализм». Поэтому обвинение в адрес Горбачева, прозвучавшее из уст Исмаила Шихлы, показалось мне абсурдным.

– Горбачев ведет страну к гибели, а народы – к катастрофе, – негромко продолжал Исмаил муаллим. – Я вижу впереди много крови и не хочу, хотя бы чисто формально, быть в числе исполнителей этого зловещего сценария.

Тогда я восприняла его слова (буду честной перед его памятью) как консерватизм старого коммуниста, который привык к прежней жизни и не приемлет всего нового. Тогда мы все были чуть-чуть диссидентами. Однако пройдет совсем немного времени, и живительный ветер перемен, обещанный нам в апреле 1985-го, обрушится на Азербайджан и другие республики бывшего Союза как беспощадный степной самум. Он посеет в людских душах неверие и отчуждение, он принесет смерть и страдания. И я не раз и не два вспомню пророческую мудрость слов Исмаила Шихлы, предвидевшего все эти разрушительные процессы с прозорливостью настоящего писателя.

* * *

...Почти 7 лет я проработала рядом с Исмаилом муаллимом в Союзе писателей Азербайджана. Кабинет Исмаила Шихлы находился по правую сторону от моего письменного стола, кабинет Мирзы Ибрагимова – по левую. И сегодня я жалею, что не вела никаких дневников. Хотя ведь уже тогда понимала, с какими уникальными личностями меня свела судьба, и как важно сохранить для истории живые голоса, неповторимые черты характера этих ходячих легенд отечественной словесности.

Каким остался Исмаил Шихлы в моей памяти? Мягким? Да. Иногда, пожалуй, даже чересчур мягким. Интеллигентным? Вне всякого сомнения. Демократичным и простым в общении? Все это так. И все же главное, что мне запомнилось, – это его необычайная доброжелательность и открытость. Со всеми сотрудниками Союза писателей – от ведущих консультантов до уборщицы – он общался абсолютно одинаково, не соблюдая никакой субординации. Он совершенно искренне не ощущал себя Первым секретарем, то есть человеком, облеченным властью. За все время моей работы у него референтом, он, по-моему, ни разу не вызвал меня нажатием кнопки звонка. Представляете? Если он о чем-то хотел попросить меня или второго референта, Арифу Алиеву, он вставал из-за своего стола, подходил к дверям кабинета и со стеснительной улыбкой обращался к нам. Даже редкими просьбами принести ему стаканчик чая он обременял не нас, а старушку-уборщицу – тетю Аню.

В моей творческой судьбе Исмаил муаллим сыграл колоссальную роль. Я занималась подстрочными переводами и, как все начинающие переводчики, мечтала о более серьезной работе. Узнав о том, что я делаю подстрочники, Исмаил муаллим предложил мне перевести на русский язык свою повесть «Огненные дороги», написанную на основе фронтовых дневников. Я постаралась сделать ему добротный подстрочник, и спустя месяц он отправил перевод в Москву литератору Ольге Кожуховой для дальнейшей работы. В то время в «Воениздате» готовился к изданию сборник его военных повестей и рассказов. Однажды он пришел на работу и сказал мне, что подстрочник очень понравился Ольге Кожуховой, и она даже хочет поставить мою фамилию рядом со своей, как соавтора художественного перевода. Не скрою, услышать это мне было очень приятно, но я отказалась от лестного предложения. И все же моя фамилия появилась в том сборнике, причем трижды. Исмаил муаллим принес несколько военных рассказов и буквально настаивал на том, чтобы я сделала литературный перевод. После этого я перевела еще несколько замечательных рассказов Исмаила Шихлы, которые также вошли в книги, изданные в Москве и Баку. Для начинающего переводчика, да и не только для начинающего, это был предел мечтаний. После этого мои дела резко «пошли в гору». Узнав, что художественный перевод своих произведений мне доверяет «сам» Исмаил Шихлы, многие маститые писатели

стали проявлять ко мне интерес. Вскоре у меня уже было много заказов, книги с моими переводами стали выходить в различных издательствах, появилась солидная прибавка к зарплате. А спустя два-три года меня приняли в члены Союза писателей СССР. В те времена (середина 80-х годов) это было очень престижно. Всеми этими переменами в своей судьбе я во многом была обязана Исмаилу Шихлы.

Исмаил муаллим мог отдавать свои произведения на перевод лучшим литераторам в России. К примеру, его знаменитый роман «Буйная Кура» перевел замечательный русский писатель, тонкий стилист Владимир Солоухин. Однако почти все произведения Исмаила Шихлы позднего периода переводили «свои», местные переводчики – С.Мамедзаде, Э.Шарифов, И.Третьяков. Как-то он объяснил мне, почему больше не стремится работать с известными переводчиками из Москвы. «Вы вкладываете в перевод душу, вы чувствуете язык оригинала и бережно относитесь к первоисточнику, – сказал он мне однажды. – А те, что работают в Москве по подстрочникам, делают свою работу механически. Их не интересуют индивидуальность автора, его стиль, манера письма. Поэтому и переводы, выходящие из-под их пера, так обезличены». Исмаил муаллим сознательно отказался от услуг московских переводчиков, хотя сотрудничество с ними означало гарантированный выход книг в престижных издательствах России. Не секрет, что многие писатели из национальных республик потому и прибегали к услугам москвичей, чтобы те затем «пробивали» свои переводы в российских издательствах. Однако Исмаил Шихлы был не из тех писателей, которые «брали» количеством. Я, например, считаю, что если на одну чашу весов положить десяток его небольших рассказов, особенно позднего периода, то по своей художественно-эстетической ценности и глубине они перевесят тома, написанные иными нашими весьма уважаемыми классиками.

Хочу поделиться еще одним воспоминанием, которое хорошо демонстрирует ту степень демократизма, с которой Исмаил муаллим относился к своим подчиненным. Работая референтом-консультантом в Союзе писателей, я умудрилась написать кандидатскую диссертацию. И вот за несколько дней до защиты я зашла в кабинет Первого секретаря и набралась наглости пригласить его на свою защиту. Правда, это предложение было сделано из чистой вежливости, потому что на появление Исмаила Шихлы в Институте литературы имени Низами я особенно не надеялась. Однако он не только пришел, не только выступил, но и привел с собой чуть ли не всё руководство Союза писателей. Чем, откровенно говоря, здорово меня выручил. В присутствии первого секретаря Союза писателей многие профессора, члены Ученого совета, стали ласковее с пришлой диссертанткой, заметно притушив свой академический гонор...

* * *

...Исмаил Шихлы не был плодовитым писателем и не стремился, подобно некоторым своим собратьям по перу, выпускать едва ли не каждый год по новой книге. После издания в 1957 году романа «Пути расходятся» он замолчал на долгие десять лет, чтобы внезапно вспыхнуть яркой звездой на литературном небосклоне. Публикация романа «Буйная Кура» (считаю, вершинного в его творчестве) была событием и главной литературной сенсацией конца 60-х – начала 70-х годов. Этот роман, по словам известного русского писателя Анатолия Иванова, «вписал новую славную страницу в историю древней и великой азербайджанской литературы», а главный герой романа Джухандар-ага вошел в число любимейших, можно сказать, культовых

художественных образов нескольких поколений азербайджанской интеллигенции. По силе и эпической мощи характеров, трагическому накалу страстей, глубине осмысления процессов, происходивших в азербайджанской деревне начала XX века, роман можно сравнить с гениальным творением великого русского писателя Михаила Шолохова – «Тихим Доном». Подобно Михаилу Шолохову, который увековечил в своих книгах колыбель русского казачества – реку Дон, Исмаил Шихлы поистине с сыновней любовью живописует в своих книгах Куру. Она – Кура неукротимая – является одним из главных действующих лиц романа, что запечатлено и в названии произведения. Ей, Куре, поверяют свои беды и горести, на ее берегах проводят они лучшие часы и дни своей жизни, в ее буйных водах завершают свой жизненный путь любимые герои Исмаила Шихлы. Позволю себе привести обширную цитату из романа, в которой описываются последние, предсмертные минуты Джахандар-аги, преследуемого казаками. В этой сцене образ Куры под пером мастера превращается в едва ли не одушевленную материю, в полноправного участника разворачивающегося перед глазами читателей трагического действия:

«Джахандар-ага не понял, успел ли выстрелить казак, или пуля, толкнувшая в грудь и странно обжегшая, прилетела со стороны. У него хватило еще силы натянуть узду и поворотить коня мордой к реке. Но Куры он уже не увидел. На ее месте оказался густой белый туман. И, словно в тумане, лениво плескалась вода, вспучивалась и поднималась, заливая берега, соединяя протоки, затопляя лес, обрыв и саму деревню и сливаясь наверху с темным дождливым небом. Весь мир погрузился в воды Куры, которые лениво и плавно сошлись над ним, серые и холодные.

Джахандар-ага хотел приподняться, но вместо этого упал на гриву коня, конь, как будто понимая, что нельзя оставаться на этом берегу и отдавать хозяина в руки преследователей, метнулся к воде, и тотчас под его копытами оказалась зияющая стометровая высота обрыва. Когда казаки выскочили на обрыв, Кура еще не совсем сомкнулась после сильного всплеска, еще можно было различить в воде что-то черное, относимое быстрым течением. Один из казаков для порядка выстрелил в это черное, похожее, скорее, на тряпку, нежели на коня и на всадника. Кура взревела с новым гневом и с новой силой, словно ее ранили в бугристую, вздыбленную спину».

Кроме прочих достоинств, Исмаил Шихлы проявил себя в этом романе незаурядным пейзажистом, с большой любовью и нежностью живописующим прекрасные в своей суровости картины родной природы.

Роман в превосходном переводе В.Солоухина выдержал множество изданий на русском языке, он пользовался большой популярностью во многих республиках Советского Союза, и эта популярность порой даже смущала Исмаила Шихлы, никогда не умевшего и не любившего, выражаясь современным языком, «пиарить» свои произведения.

* * *

Основной мотив большинства произведений Исмаила Шихлы – необходимость жить по законам чести и совести, по незыблемым нравственным заповедям, завещанным нам нашими предками. Не случайно слово «намус» («честь») – одно из наиболее часто встречающихся в лексиконе его героев.

Эпиграфом ко всем рассказам и повестям Исмаила Шихлы можно было бы вывести слова, сказанные одним из его поздних героев – гачагом Сулейманом: «Из-за чести людской я в опале оказался! Покуда жив я, никому никого не позволю бесчестить!»

Когда люди перестают жить по этим законам, когда преступают неписанные нравственные заповеди, тогда рушится мир, а народ обрекается на тяжелейшие испытания. Эта тема очень волновала писателя в последние годы жизни. С прозорливостью большого художника он сумел в художественной форме осмыслить истоки глобальных народных бед и предостеречь будущие поколения от повторения трагических ошибок отцов.

Подлинная трагедия Джаваншира, главного героя пьесы Исмаила Шихлы «Хороните мертвецов на кладбищах», начинается тогда, когда понятие «классовые интересы» заменяет для него все прочие понятия, а чувство «классовой непримиримости» лишает возможности наслаждаться житейскими чувствами и радостями – материнской привязанностью, девичьей любовью, теплом семейного очага. Ненависть способна взрастить только ненависть, она несет смерть и разрушение, она заводит человека в духовный тупик, откуда нет возврата к нормальной жизни. Таков основной нравственный урок пьесы, написанной Исмаилом Шихлы еще в начале 90-х годов и увидевшей свет рампы спустя десять лет после его ухода.

* * *

... Годы военных испытаний всё сильнее давали о себе знать. Исмаил Шихлы часто и подолгу болел. Однажды, придя на работу после очередной вынужденной отлучки, он в сердцах поделился со мной: «Знаешь, Эльмира, я иногда гневлюсь на небеса и говорю Всевышнему: Господи, зачем ты отпускаешь нам по 70, 80 лет жизни, но заставляешь проводить их в физических страданиях? По мне, прожить бы всего 50, но на одном дыхании, так, чтобы не знать дороги в кабинеты докторов». Я покачала головой и посмела с ним не согласиться. А потом, вспомнив смешную историю, связанную с Мирзой Ибрагимовым, не удержалась и прыснула.

– Чему ты смеешься? – удивился Исмаил муаллим.

– А тому, что вот Мирза муаллим с вами, например, не согласен. Недавно он пришел на работу и говорит: «Господи, я сегодня такой счастливый! Я был у зубного врача, и он вырвал мне последний зуб». Понимаете? Он радовался, что больше никогда не испытает зубной боли. А если бы он вообще не знал, что такое зубная боль, разве бы так радовался?

История развеселила Исмаила Шихлы, и он потом не раз вспоминал ее...

Однако душевные муки, нравственные страдания, которые испытывал Исмаил муаллим в последние годы своей жизни, были во сто крат сильнее физической боли. К сожалению, мрачное пророчество писателя сбылось: распад СССР, вакханалия больших и малых конфликтов, море крови, трагедия десятков тысяч ни в чем не повинных людей. И, как это всегда бывает в эпоху социальных потрясений, выброс на поверхность жизни мутной человеческой пены. Пожалуй, острее всего переживал писатель девальвацию нравственных ценностей. Где-то в конце 70-х – начале 80-х годов Исмаил Шихлы создал потрясающий по художественной завершенности и глубине цикл рассказов, основанный на народных притчах и легендах. «Хлеб насущный», «Не теряйте», «Войлочник», «Сын шаха»... Во всех этих рассказах рефреном звучит мотив потери людьми Совести как тягчайшего земного преступления. «Боже вас упаси потерять меня! – закликает своих спутников Совесть в одной из притч. – Если потеряете, уже никогда не найдете!»

В своих воспоминаниях о друге и учителе, каким для молодого начинающего писателя был его знаменитый земляк Мехти Гусейн, Исмаил муаллим приводит лю-

бопытный эпизод. Однажды в литературном объединении «День молодежи», которое действовало при Союзе писателей, обсуждали рассказ начинающего литератора. Рассказ принадлежал перу одного из товарищей Исмаила Шихлы, который накануне попросил Исмаила муаллима поддержать его во время обсуждения. Время было голодное, послевоенное, и другу позарез было нужно, чтобы этот рассказ напечатали в журнале. Ведь тогда он сможет получить немного денег и справиться на них свадьбу. Словом, хотя рассказ был откровенно слабым, Исмаил Шихлы пожалел друга и похвалил его рассказ на занятиях литкружка. Правда, товарища эта ложь не спасла, потому что остальные участники объединения рассказ забраковали. После обсуждения между Мехти Гусейном, бывшим в то время главным редактором журнала «Ингилаб ве меденийет», и Исмаилом Шихлы состоялся откровенный разговор. Исмаил муаллим признался Учителю, что был вынужден покривить совестью из жалости к другу. И услышал в ответ:

– Надо, чтобы совесть была чиста. Вы ведь только входите в литературу. В литературе нечего делать с запятнанной совестью...

Это напутствие Исмаил Шихлы пронес через всю жизнь. Поэтому, когда писатель страстно отстаивает в своих книгах идеалы добра и справедливости, когда призывает не поступаться такими понятиями, как *гордость, самолюбие, честь, совесть*, ему веришь безоговорочно, ибо он сам всегда жил в соответствии с этими высокими принципами. «Намус гачагы» («Поборник чести») – так называется один из поздних рассказов писателя, где в образе гачага Сулеймана воплотились лучшие черты азербайджанского национального характера, столь дорогие сердцу Исмаила Шихлы. Поборник чести... Этот эпитет как нельзя более подходит для определения жизненного кредо самого писателя.

«Я убедился, что судьба человека – это его характер», – сказал однажды Александр Солженицын. Жизнь и судьба Исмаила Шихлы – прекрасный пример, доказывающий правоту этих слов. Он никогда не позволял внешним обстоятельствам, пусть даже самым экстремальным, диктовать ему свои условия. И этому принципу Исмаил муаллим следовал до последних дней жизни. Словно испытывая его силу воли, безжалостная болезнь шаг за шагом лишала Исмаила Шихлы жизненных сил. Но, даже приковав его к постели, погасив свет в глазах, Провидение не смогло отнять у писателя ясности ума и поразительной стойкости духа. И тогда оно в изумлении отступило, подчинилось его воле, позволив Исмаилу Шихлы завершить свою жизненную Оду торжествующим аккордом последнего романа. А книга с трагическим названием «Мой умерший мир» поистине стала вершиной его духовного Восхождения.

Я верю, что годы неурядиц и гражданской смуты канут в историю, как тяжкий сон, а тихий голос писателя Исмаила Шихлы будет звучать всё громче и требовательнее, обращенный к каждому из нас: «Люди, только совести не теряйте. Если потеряете, уже никогда не найдете!»